

Доклад Х. Гофмана о погромах в м. Фастов Киевской губ.

Источник: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1983-doklad-sotrudnika-redaktsionnoy-kollegii-h-gofmana-o-pogromah-v-m-fastov-kievskoy-gub-v-avguste-locale-nil-sentyabre-1919-g-30-sentyabrya-1919-g>

Сохранено в архиве decolonialist: 30.08.2026 · файлов в оригинале: 1

Тютюника и Зеленого и др., которые расхаживали по местечку в актерских костюмах, разноцветных шляпах... Но предпоследний день их пребывания оз' наменовался задержанием еврейской девушки по заведомо лживому обвине' нию какой'то крестьянки в том, что она служила в Чрезвычайке. Эта несчаст' ная девушка была увезена в тыл к петлюровцам, и через несколько дней она вернулась изнасилованная и еле живая.

[...] *

ГА РФ. Ф. Р'1339. Оп. 1. Д. 426. Л. 19–23. Копия.

№ 89 Доклад сотрудника Редакционной коллегии Х. Гофмана о погромах в м. Фастов Киевской губ. в августе–сентябре 1919 г.

30 сентября 1919 г.

I. Большевики Еврейское население Фастова Киевской губ. насчитывает до 8 тыс. душ. Большинство евреев — торговцы; значительная часть — ремесленники и лишь небольшое число — наемные рабочие. Фастов всегда считался богатым местечком, и действительно следует отме' тить, что евреям здесь жилось недурно. Отношения между евреями и христи' анским населением не были плохими. Погромного настроения здесь никогда не было заметно. В зиму 1918–1919 г., когда волна погромов залила всю Ук' раину, в самом Фастове (исключая станции, где грабили, избивали и убивали проезжих евреев) было спокойно. После занятия Фастова большевиками евреи здесь, как и всюду, немало терпели от большевистского режима. Вся наложенная контрибуция была поч' ти целиком уплачена евреями, невзирая на то, что они беднее и их значитель' но меньше, чем христиан. Много евреев было взято заложниками, долго сиде' ли в тюрьме, многим пришлось совсем оставить Фастов. Когда силы большевиков на фронте стали слабеть, у евреев появилась на' дежда на скорое от них избавление, но в то же время страх погрома не давал покоя. Дело в том, что не было уверенности, что добровольцы, о которых ду' мали, что они погромов не делают, займут Фастов раньше Петлюры: они были еще слишком далеко от Фастова. На Петлюру же, который все ближе и ближе придвигался к Фастову, евреи определенно смотрели как на погром' щика, и все полагали, что, если большевики уйдут и войдет Петлюра, погром неминуем. Единственное спасение свое евреи видели в приходе добровольцев. Опаса' ясь погрома, еврейское население лишь хотело, чтобы большевики продержа' лись до прихода Добровольческой армии, дабы петлюровские войска не всту' пили в город раньше добровольцев.

II. Петлюровцы Первые петлюровские части — галичане — вступили в город. В течение первого же дня они учинили несколько грабежей. На завтра прибыла власть. Еврейской делегации, которая представилась находившемуся здесь украин'

* Опущена часть текста, касающаяся сентябрьского погрома в Фастове. Подробнее об

скому министру внутренних дел, последний заявил, что погрома бояться не' чего, так как власть этого не допустит. Между тем он сказал, что все прошлые погромы достаточно запятнали имя украинского правительства. Это могло произойти лишь тогда, пока власть была бессильна бороться с этим явлением; теперь же у власти достаточно средств погромов не допустить. На завтра, когда некоторыми из солдат была сделана попытка начать погром, двое из них были, по признанию генерала Краузе¹⁴⁸ (галичанина),

расстреляны, и мера эта сдержала остальных. Эксцессов больше не было. Были, правда, случаи, когда евреев задерживали на улице и заставляли чистить вокзал, добавляя при этом: «Евреи загрязнили, они же должны вы ' чистить»... Происходили еще некоторые мелкие случаи, вроде обмена оде' ждой, обувью: у евреев забирали лучшее взамен плохого. Но и это вскоре прекратилось, и жизнь более или менее наладилась. Началась свободная торговля, и местечко ожило. Но оживление это было чисто внешнее, так как внутри еврейское население чувствовало себя беспокойно по двум при' чинам: во'первых, петлюровцам не верили: после всех учиненных ими по' громов ни у кого не было уверенности в том, что теперь не произойдет то же и в Фастове. Во'вторых, не было также уверенности в том, что власть эта долго продержится. И еврейское население нетерпеливо ждало конца, а спасительный конец видели в добровольцах, которые придут и сразу внесут порядок и успокоение... Две недели пробыли украинцы в Фастове. В течение этого времени стало известно, что слухи о контакте между Петлюрой и добровольцами не верны, что из Киева украинцев вытеснили, и что добровольцы идут на Фастов.

III. Добровольцы (1*й погром) В воскресенье 25 августа ст.с. добровольцы заняли Фастов. Сразу же по вступлении начались нападения и грабежи. Евреи, надеявшиеся на совершен' но другое отношение с их стороны, были уверены, что это лишь отдельные эксцессы, которые прекратятся с установлением власти в городе. На завтра к утру стало известно, что имеется начальник гарнизона Белогорцев¹⁴⁹ и назна'

чен временный комендант Пахомов. К этому последнему обратились с прось' бой принять меры для ограждения еврейского населения от насилий и грабе' жей. Комендант заявил, что сразу остановить эксцессы трудно, так как войско очень озлоблено против евреев. Получив 25 тыс. руб., он обещал все же меры к успокоению принять. Невзирая на обещание коменданта принять меры, погром разрастался. Под вечер обычно собирали всех казаков, регулярных и партизан особо, на поверку. После поверки и молитвы они группами рассыпались по го' роду «на работу». «Работа» производилась открыто и уверенно. Не при ' криваясь мотивами «обыска», они просто высаживали прикладом дверь и врывались в еврейские дома с криком: «Жид, давай деньги, не то мы тебя сейчас повесим». При этом они держали принесенную с собой веревку. Понятно, что почти у каждого еврея была заранее приготовленная сумма, чтобы откупиться в случае нападения. Но бандиты этим не удовлетворя ' лись. Забирая приготовленную сумму, они избивали жертву шомполами, заставляя отдать спрятанные или зарытые деньги. Стоило же начать мо' лить их и уверять, что денег больше нет, как они набрасывали петлю на шею и волокли свою жертву к балке или крюку. Там, где еще были кое' какие деньги или драгоценности, мера эта, понятно, действовала, и бан' дитам отдавали все.

Было много случаев, когда при этом подвешивали по 2–3 раза. Троекрат' ному подвешиванию подвергался, например, Фельдман. Все, что у него было, он отдал своим мучителям. Они продолжали держать его в петле, пока он не посинел. Убедившись, что у него действительно больше ничего нет, они его отпустили. Еще в этот первый погром много женщин подверглось изнасилованию. Нередки были случаи, когда, не будучи сразу впущены в дом, бандиты обстреливали входную дверь. Такой случай произошел с известным Паш' ковым, некогда обвиненным в ритуальном убийстве. Когда он отказался открыть дверь, нападавшие начали стрелять в нее, причем сам Пашков был одним из выстрелов убит. Ворвавшись в дом, они ранили жену убитого и ребенка. Все награбленное каждая группа относилась в свой штаб. Как было упомяну' то, в городе было два отряда: регулярный и партизанский. Особенно отличались своей «работой» партизаны. У них в штабе было специально отведенное помещение, куда каждую ночь сносились масса награбленных вещей и денег. Здесь под наблюдением офицера добыча делилась поровну. То же происходи' ло в штабе регулярного войска. 27 августа ст.с. общественный раввин Клигман получил письменное при' глашение явиться к временному коменданту Пахомову (копия этого доку' мента здесь прилагается)* . В комендатуре раввина Клигмана направили к

начальнику гарнизона Белогорцеву. У Белогорцева Клигману заявили, что казаки враждебно настроены к евреям и что против этого нужно принять меры. На вопрос, в чем должны заключаться эти меры, Белогорцев ответил, что первое, что надо сделать, это дать казакам деньги, по 500 руб. каждому (в общем это должно было составить сумму в 200 тыс. руб.). Деньги должны быть внесены не позже 5 часов того же дня. Раввин Клигман немедленно обратился к еврейским общественным деятелям, и с большим трудом уда' лось собрать 110 тыс. руб. Между тем было уже позже 5 часов, и Белогорце' ва уже в городе не было. Пришлось деньги эти повезти ему на вокзал. Сам Белогорцев был занят, и деньги принял адъютант его. На завтра раввина Клигмана опять позвали. Ему объявлено было, что принесенные им вчера деньги не годятся, так как они советские и скоро будут аннулированы. Ему было предложено деньги эти обменять и, кроме того, дополнить недостаю' щую сумму. Все это было выполнено. Однако в городе все шло по'прежнему. Бутылка самогонки среди каза' ков расценивалась от 200 руб. до 1 тыс. руб. Наименьшая ставка в карты у казаков была 10 тыс. руб. И все это происходило на еврейские деньги.... Когда начальнику гарнизона указали, что евреи выполнили все требова' ния, а погром все же не прекращается, он ответил, что со временем все бу' дет улажено. Не видя конца создавшемуся положению, каждый стал думать о том, как бы оградить лично себя. Многие поместили у себя офицеров. Обходилось это довольно дорого: помимо платы офицеру, его приходилось содержать на всем готовом; однако каждый заполучивший к себе на квартиру офицера считал это большим счастьем. Некоторые нанимали офицеров для охраны целых кварталов. За одну ночь охраны платили не менее 10 тыс. руб. Есаул Бажаев, например, взял за 3 ночи 30 тыс. руб., и надо признать, что там, где был он со своим отрядом, было спокойно. Начальство ставило ежедневно все новые

* Документ в деле не обнаружен.

246

требования. Потребовали рабочих, и евреям пришлось поставлять ежедневно 100 рабочих и оплачивать их, требовали доставить им мебель и т.д. Все это но' сило характер настоящего вымогательства. Раввин Клигман, видя, что власть обращается со всеми требованиями к нему как лицу официальному, уехал из Фастова. В первые дни сентября в Фастове стало спокойнее,

так как большая часть 2'й Терской пластунской бригады, производившей эти грабежи, ушла на ст. Кожанку. В городе осталась артиллерия и комендантская сотня. Экс' цессы стали значительно реже и не сопровождалась такими жестокостями, как прежде. Евреи стали приходить в себя. Так было до воскресенья 8 сен' тября ст.с.

IV. Второй погром при добровольцах В воскресенье 8 сентября стали поговаривать о том, что большевики идут на Фастов. В городе стало тревожно. Истинного положения никто не знал. Видели только, что в городе установлено 2 орудия. Население избегало пока' зываться на улицах. Все сидели по домам. В 5 часов лектор Пухальский начал свою назначенную на это время лекцию. Часов в 6, посреди лекции, послы' шалась близкая канонада. Лектор стал успокаивать собравшихся, среди кото' рых были и евреи (между прочим, и сообщающий эти сведения о 2'м погроме Э. Гуртовой), что бояться нечего, что эта небольшая группа большевиков, по' павшая в «мешок», и что их легко отобьют. Э. Гуртовой передает, что, когда он возвращался с лекции, на улицах не было ни одной живой души. Все было закрыто, заковано, в воздухе чувствовалась тревога. К 9 часам вечера канонада была слышна уже в самом городе. Где и кто стреляет, никто не знал, так как все население, как еврейское, так и христиан' ское, сидело в домах. Всю ночь евреи провели в смертельном страхе. Наутро, в понедельник 9 сентября, жители увидели через окна, что боль' шевики в городе. Кроме них, можно было еще наблюдать русских женщин и подростков, которые скупали у красноармейцев захваченные последними у добровольцев кожу, мануфактуру, сахар. В дома красноармейцы не заходи' ли, мирного населения не трогали. Таким оставалось положение до 6 часов вечера. Фастовские события, или, вернее, фастовская кровавая баня — все эти ужасные зверства не поддаются описанию. Нет тех нервов, которые могли бы выдержать, нет того здорового сердца, которое не разрывалось бы от боли, нет той твердой руки, которая не дрожала бы при описании всего про' ишедшего. В понедельник 9 сентября, в 7 часов вечера, как только добровольцы заня' ли фастовский вокзал и направились в город, большевики отступили за реку и оттуда начали обстреливать вокзал. В городе показались добровольцы. Это были части, бывшие в Фастове раньше. Послышалась стрельба. Показалось зарево пожара у вокзала. Это подожгли первый еврейский дом — Ребчинско' го. Группами казаки стали врываться в еврейские дома. Кровавая баня нача' лась. Раздирающие душу крики, сопровождаемые выстрелами, понеслись из еврейских домов. Евреи искали спасения. Бежали один к другому, но боль' шей частью встречались по дороге и узнавали, что уже бежать некуда, так как уже казаки всюду взламывают двери и врываются. Евреи метались, ища спа' сения. Многие спрятались у христиан. Большую помощь в этом отношении оказали евреям христиане — Федор Залевский и Березин. У них нашли себе убежище около 400 евреев. Значительная часть разбежалась по оврагам,

247

имеющимся в Фастове; многие были убиты по дороге к своим убежищам. Особенно кошмарны были поджоги еврейских домов. В тех, кто пытался спа' стись из горящего дома, стреляли, рубили шашками головы, даже малых де' тей и стариков бросали обратно в огонь. Бывали случаи, когда, не выпуская никого из дому, дом поджигали вместе с находящимися в нем людьми. Банди' ты убивали разно: сжигали, закалывали, расстреливали, вешали, подвергая предварительно свои жертвы мучительным пыткам. Есть много изнасилован' ных женщин и девушек. Имеется ряд определенных данных, свидетельствующих о том, что погром был заранее предрешен еще на ст. Кожанка, куда добровольцы отступили от Фастова. Как сообщает

доктор Снисаренко, который служит во 2'й Терской пластунской бригаде, начальник Белогорцев отдал приказ о том, что Фастов (т.е. добро еврейского населения Фастова) отдается как военная добыча тем казакам, которые его возьмут (письмо доктора Снисаренко, к сожалению, уничтожено, но письмо это читали доктора Л. и В. Подтверждается оно так' же дающим эти сведения Э. Гуртовым. Кроме того, достоверность приказа Белогорцева подтверждается еще приложенным здесь документом от 24 сен'

тября, присланным г. Годиком* , в котором указывается, что власть открыто признает все происшедшее в Фастове юридически правильным; мотивы очень просты: город взят у неприятеля, следовательно, все, что есть в горо' де, принадлежит взявшим его войскам). Так и произошло: казаки немедлен' но приступили к разграблению еврейского добра, которое уносилось ими в вагоны. Христиан не трогали. Иван Геневиц, фастовский житель, христиа' нин, передавал г'ну Х. Лихтману, что, будучи случайно на вокзале, когда по' казались первые офицеры, он слышал, как они говорили между собой, что погром неизбежен, потому что, мол, евреи стреляли в отступающих добро' вольцев и встретили большевиков возгласами «ура», и что казаков не удастся удержать от погрома. Вот несколько фактов, имевших место во время погрома: в квартиру Гур' товых ворвались казаки и хотели изнасиловать дочь Гуртового. Здесь они встретили сопротивление со стороны отца, брата и жениха девушки, которые за ее честь все заплатились своей жизнью. Девушка спаслась и каким'то чу' дом пробралась в Киев. Семья Фридман. Отец семьи роздал бандитам свыше 10 тыс. руб. Для последней группы у него уже денег не оказалось, и он умолял их оставить ему жизнь ради его маленьких детей. Бандиты были неумолимы и убили Фридмана выстрелом в рот. Вслед за этим вошла вторая группа казаков. Они хотели убить сына Фридмана — юношу лет 17. Мать, Гитель, только что потерявшая мужа, телом своим прикрыла сына и умоляла убить ее вместо него. Бандиты били ее по голове и рукам железными солдатскими лопатами. Видя, что это не помогает, они выстрелили ей в лоб. В этом же доме было убито 10 чел., среди них — малютка полутора лет, которому снесли голову. Дети раненой Гитель Фридман — Лейб, 17 лет, и Мойша, 19 лет — на руках несли свою мать в больницу. Казаки стреляли им вслед, желая заставить детей бросить мать. Юношам пришлось оставить ее, но тем самым, что они ее вынесли из дому, они спасли ее от неминуемой смерти, так как через несколько минут дом был подожжен и сгорел до ос' нования. Гитель Фридман теперь находится в Киеве, больная, в Еврей' ской больнице.

* Письмо Л. Годика находится в деле; см.: ГА РФ. Ф. Р'1339. Оп. 1. Д. 426. Л. 39–40 об.

248

Семью Михельзон посетили одна за другой 5 групп. Пока у Михельзона были деньги, ему удавалось откупаться. Для последней группы денег у него не хватило. Казаки не поверили и подвергли его мучительным пыткам: рвали во' лосы из бороды, кололи язык булавками, после всех мучений они его убили, а жену его ранили. Много евреев было убито в оврагах, где они искали спасения. В один из рвов была брошена ручная бомба, в результате которой оказалось много уби' тых и раненых. В другом рву Ицкоху Гольдштейну удалось выкупить себя и остальных евреев за 33 тыс. руб. Казаки взяли его с собой, чтобы он им указал, где живут богатые евреи. К какому бы дому не подходили, Гольдштейн заяв' лял, что здесь нет богатых. Казаки отпустили его, пригрозив, что найдут его, если окажется, что он их обманул. К Ауслендеру вошли казаки и потребовали денег. Он отдал все, что имел. Они потребовали еще. Все его уверения не помогли, и казаки его повесили. Когда он уже был на виселице и почувствовал, что минуты его сочтены, он не растерялся: просунув руку под веревку, он

немного растянул петлю и просил казаков снять его, так как ему нужно кое-что сказать. Когда он был снят с петли, то обратился к ним с вопросом, нужна ли им его смерть или им нужны лишь деньги? Казаки ответили, что деньги. Тогда он попросил отпустить его на полчаса, чтобы деньги достать. Его отпустили, оставив дома в качестве заложников женщин и детей, которые находились в следующей комнате. Ауслендер ушел, но больше 500 руб. ему достать не удалось. Он по' слал эти деньги казакам с христианином; вместе с деньгами он передал за' писку, в которой писал, что постарается достать еще. В другой записке он писал по'еврейски всем оставшимся в доме, чтобы они как'нибудь спас' лись. Но они успели спастись до его записки. Дело в том, что казаки, кото' рым наскучило ждать Ауслендера, и, не желая терять времени напрасно, ушли, заперев за собой дверь, которую они считали единственным выходом из дома. Узнав об уходе казаков, находившиеся во второй комнате евреи убежали через имевшийся там выход. У Брискманов после ухода добровольцев, перед наступлением большеви' ков, остался офицер, которого они скрыли от большевиков. Из чувства благо' дарности он два дня защищал их дом. На третий день казаки потребовали, чтобы офицер удалился, не то убьют его, как «жидовского заступника». Ему ничего не оставалось делать. Но перед тем, как уйти, он забрал с собою все деньги и драгоценности, а жителей дома спрятал в подвальном складе, за же' лезными дверьми. Дом был разграблен, все было увезено. У Ф. Залевского в течение двух дней скрывалось 200 евреев. На третий день он стал опасаться, что ему не удастся скрыть их дальше. Он отправился к начальнику стражи. Последний по просьбе Залевского командировал офице' ра, который препроводил эту группу евреев в Министерскую школу и оставил удостоверение, что евреи эти находятся под его ответственностью. Казаки часто приходили в школу, но никого не решались трогать. Занятые погромом добровольцы в течение целых четырех дней отгоняли большевиков, хотя для этого было вполне достаточно одного дня. 4 дня под' ряд под грохот орудийной стрельбы жгли, расстреливали, вешали, вырезыва' ли, пытали евреев. Еврейских жен и дочерей насиловали. Еврейское добро грабили и увозили вагонами. Лишь в пятницу спохватились, что улицы пол' ны убитых и раненых и что уже дает себя чувствовать трупный запах. Тогда заставили измученных физически и морально больных и слабых евреев за' няться приведением улиц в порядок. Им было приказано не только убрать

249

убитых и раненых, но также сносить награбленное добро на вокзал и нагру' жать им вагоны... В эту же пятницу появилось воззвание к населению с призывом прекра' тить грабежи... Интересно отметить, что, когда коменданта посетила русская делегация, указывавшая, что пора прекратить погром, так как от него уже на' чинает страдать и русское население, комендант спросил: «А кто грабит?» Члены делегации растерялись и, не решившись сказать, что погром устраива' ют казаки, ответили, что русское население также участвовало в погроме. Ко' мендант заметил: «А потом скажут, что грабили казаки». В пятницу евреи стали убегать по железной дороге в Киев: кто — переодев' шись в крестьянское платье, кто — в сопровождении русских, а кто — просто рискуя жизнью, так как все равно терять уж было нечего. Многих по дороге снимали с поездов и уводили в лес на расстрел. Снятие с поездов обыкновен' но происходило при таких обстоятельствах: ночь, поезд уходит переполнен' ный пассажирами, в теплушках темно, на первой же остановке раздается «жиды, выходи» — никто не откликается; влезает казак, зажигает спичку и ищет евреев, спрашивает русских, нет ли здесь евреев, иные отвечают — «нет», иные — «ищи, может быть, найдешь». Евреи сидят, притаившись. Оче' видец передает, как казак во время такого обхода нашел еврейскую женщину и потащил ее из

вагона; дочь ее, сидевшая все время с покрытым лицом, на' чинает плакать и кричать, что она также еврейка и чтобы ее также увели вме' сте с той. Но уже поздно — третий звонок. Мать уводят в лес. Поезд трогается. Из леса слышен выстрел. Девушка лишается сознания... Х.Лихтмана казаки уже тащили из вагона, но русские пассажиры не допустили этого, и благодаря им он был спасен. Сотни евреев погибают в дороге, и никто не знает даже, где их кости лежат. Но страдания фастовских евреев и этим погромом еще не кончились. Передо мной письма г. Годика от 24 сентября. Господин Годик — член Фастовского комитета помощи погромленным. Вот что он, между прочим, пишет (полная копия этого письма имеется в архиве редакции): «Жутко и страшно. Страшно не за замученных, убитых, уже приобретших могилу, и не за тех, которые до сих пор валяются в окрестностях и под руинами и ожи' дающих своей очереди быть похороненными. Страшно за живых, живых трупов, в буквальном смысле этого слова. Картины настолько кошмарны и ужасны, что можно с ума сойти... По улицам и квартирам, где расположены несчастные, ходят стражники и гонят евреев (только евреев) на работу в Со' рочий Брод, на станцию и другие места. Положение в высшей степени тра' гическое»... Результаты фастовского погрома ужасны. Убитых пока насчитывается 600 чел., сожженных — 100, раненых — 315. Материальные убытки исчисля' ются в 200 млн руб. Надо отметить, что убитых гораздо больше, так как еще по сей день нахо' дят трупы в лесах. Кроме того, пострадали 3 еврейские колонии возле Фасто' ва, где число жертв еще не установлено. В Фастове было много беженцев из Радомысля, Брусилова, Корнина, Таращи, о которых даже не известно, куда они исчезли. События до 8 сентября описаны согласно сведениям, данным г'ном Клиг' маном. После 8 сентября — согласно сообщению Э. Гуртового.

Х. Гофман

ГА РФ. Ф. Р'1339. Оп. 1. Д. 426. Л. 42–47. Копия.

250